



Алиса Аркадьевна Ганиева

Салам тебе, Далгат! (сборник)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625087

Салам тебе, Далгат! : [повесть, рассказ, эссе] / Алиса Ганиева. : АСТ : Астрель; Москва; 2010
ISBN 978-5-17-069107-4, 978-5-271-29617-8

Аннотация

В книге Алисы Ганиевой «Салам тебе, Далгат» действуют все главные персонажи современного Дагестана: маргиналы и модники, восторженные романтики и молодые прожигатели жизни, суфии и ваххабиты. Один летний день молодого махачкалинца по имени Далгат позволяет увидеть изнутри северокавказское общество, стоящее на грани гражданской войны.

Содержание

Салам тебе, Далгат!	4
Салам тебе, Далгат!	4
1	4
2	7
3	9
4	13
5	16
6	22
7	24
8	27
9	30
10	31
Шайтаны	32
1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Алиса Ганиева

Салам тебе, Далгат! (сборник)

Салам тебе, Далгат!

Салам тебе, Далгат!

Повесть

1

Сразу попав в тесноту, Далгат почувствовал себя плохо, но обступающие навесы спасали от солнца. Сначала его как будто обхватили стиральные порошки, куски хозяйственного мыла, выжигающие глаза солнечным отсветом щетки для посуды из проволоки, шампуни, резинки для волос, целлофановые пакеты с хной и басмой, лавровые веники. Потом неожиданно и пестро со всех сторон нависли бюстгальтеры с гигантскими чашечками, ворохи разноцветного, дешевого женского белья, два раза Далгата сильно защемило двумя крупными женщинами, выбиравшими себе что-то в проходе. Торговка лет сорока, с золотым зубом, взмахнула красными панталонами перед его лицом: «Молодой человек, купи себе – не пожалеешь» – и затряслась от смеха. Соседки шумно захохотали вслед.

Вырвавшись из тесных рядов, Далгат оказался снова на ярком солнце, и тут же его чуть не сбила грязная железная тележка, вылетевшая, дребезжа, из-за поворота – ее гнал перед собой неопрятно одетый человек. «Расходись, расходись!» – кричал он низким и грубым голосом, который перекрывался из динамиков криком местной мегазвезды. «Бери, хорошие, женщина, очень хорошие», – захлебываясь, нарастало со всех сторон. Черные от загара, измученные торговлей под жарящим солнцем, прикрываясь от неба кусками картонки, тут и там сидели и стояли торговцы. Кое-где попадались мужчины, спрятавшиеся в тени «КамАЗов», а из кузовов скатывались спелые и тяжелые арбузы и дыни. «Сладкий абрикос» – читал Далгат пьяными глазами.

Красными горками лезла в глаза малина, рваными бумажными обертками лежал зеленый молодой фундук, солдатскими отрядами громоздились лихо уложенные пирамидки оранжевой хурмы, груш, яблок, помидоров, тут же рядом стручки фасоли, крупные, мелкие, продолговатые, фиолетовые, зеленые и почти красные виноградные кисти. Ходил, зачем-то нося длинную плеть, усатый сборщик налогов.

Рядом с товаром, выведенные на куске бумаги шариковой ручкой, лепились названия сёл, откуда их привезли: «Гергебиль», «Ботлих», «Ахты»... Под прилавками, между раздавленными гранатами и персиками ползали полуслепые и блохастые котята. Распаренные и уморенные, с возбужденно бегающими глазами, вокруг двигались люди. Осторожные старушки с аккуратными хвостиками, утомленные девушки в блестящих вечерних платьях, на каблуках и с ведрами огурцов в руках, парни в спортивках, дамы с вуалетками. «Бери, парень, зелень, бери! Петрушка, кинза, укроп! Все свежий!», «Парень, смотри, какая картошка, хорошая, не червивая, взвесить тебе?», «Подходи, откуси абрикос, на, пробуй», «Возьми тоже на пробу, парень, яблоки сочные, не кислые». Впереди, преграждая Далгату путь, шла слегка разболтанная женщина в соломенной шляпе.

– Женщина, какая шляпа у тебя, дай примерю, – пристала к ней продавщица морковки.

Схватила тут же шляпу, надела на неухоженную голову, стала вертеться, соседки подошли, стали поправлять поля. Хозяйка шляпы растерянно тянула к ним руки. Созерцательно и добро улыбающийся торговец выплюнул разжеванную веточку, закричал через проход:

– Забери у нее свою шапку, женщина, у нее руки грязные, запачкает тебе всё!

Далгат прошел мимо и свернул в пахнущий кровью, но темный и прохладный мясной павильон, где с потолка нависали длинные телячьи, бараньи и прочие туши, где тут и там работал ловко и споро топор. «Бери, молодой человек, отличная баранина», «Куры берем, куры берем». В рыбном отделе трепетали еще живые рыбы, лова последний воздух большими губами, торговли живо обрабатывали и чистили, блестела чешуя. Мужчина в грязном синем фартуке бил большую рыбу головой о прилавок.

Впереди, мельком, – знакомый полупрофиль, длинная, толстая, рыжая, почти до колен коса. Сакина шла, чуть отставая от матери, косясь на прилавки, в белых костлявых пальцах висели пакеты с мясом, на пакетах – смуглая женщина с курчавыми волосами и красные латинские буквы. Далгату живо захотелось схватить у мясника нож, пойти вприпрыжку следом, а потом, не давая обернуться, грязным, испачканным кровью ножом отрезать толстую косу, чтобы девушка кричала, плакала, чтобы собралась круглоротая, любопытствующая толпа. Желание было неодолимым. Далгат даже представил, как повернется ее сухая, с хронически синими веками мама, как почернеет от гнева и удивления.

Сакина пробиралась к бело-прямоугольному, слепящему солнцем выходу, из тени на жару, мыслей в голове практически не было. Вчера ходила к портнихе шить юбку, портниха удивлялась, что она не красится. «А почему не красишься? Ну, когда не жарко, наверное, да? Чуть-чуть?» Потом рассказывала о жене своего брата, который не послушался советов родственников, женился на девушке другой национальности, а та, лентяйка и хамка, лежит беременным животом кверху, мажет крем от растяжек, делает маникюр, по хозяйству и не пошевелится. «И страшная она, я тебе говорю, – твердила портниха, – и волос у нее на теле много, даже на спине растут. Я ей говорю, иди к эндокринологу, а она, такая, иди лучше своему сыну сопли подотри! Не, скажи, наглость же, да?» Юбка вышла совершенно возмутительной и разъезжалась по швам.

Сакина была его однокурсницей. Далгат неумело преследовал ее любовными записками и, получив в ответ лишь издевательства, быстро возненавидел. Увидев Сакину на базаре, он почувствовал, как начинает злиться и краснеть. Чтобы успокоиться, Далгат быстро прошел рыночные закоулки с квохчущей живой птицей и козами и сунулся в исламский магазинчик, тесный, как конура, полный мелодичных молитвенных песнопений на арабском, звучащих из приемника. Раздвинув бренчащие ряды четок, выглянула старая продавщица. Далгат делал вид, что с интересом разглядывает литературу, амулеты, тубетейки. Там были часы, указывающие время намаза и направление Киблы, электронные четки, сурьма и капсулы с маслом черного тмина. Чтобы не выходить с пустыми руками, Далгат заплатил тридцать рублей и купил корень дерева арак, которым чистят зубы.

На улице он снова впал в оцепенение. Стали вспоминаться ежевечерние религиозные передачи, которые вел безграмотный и косноязычный алим, носящий духовное звание. Вот молодой муфтий был умен и образован, но его убили. На передачах этих говорили о джиннах и сурах, о том, что можно, и о том, чего нельзя. Звонили в студию. Мужчина спрашивал, допускается ли, ложась спать, поворачиваться спиной к Корану. Девушка интересовалась, в какой цвет по шариату можно красить ногти.

– Салам, Далгат, движения не движения¹? – путь Далгату преградил улыбающийся одноклассник с поломанным ухом.

– А, салам, Мага, как дела?

¹ Междометие, здесь – «Как дела?».

– По кайфу, же есть. Трубка с собой у тебя?

– Да, – Далгат, нащупал в кармане мобильник.

– Ты не обессудь, особо копейки тоже нету, надо кентам позвонить, там этот, один аташка² с Альбурикента, бычиться начал. Раз стоим, он обостряет. Я его нежданул, он по мелочи потерялся. Бах-бух, зарубились мы с ним, короче. Я его на обратку кинул и поломал, короче. Теперь он со своими на стрелку забил буцкаться, и мне *джамаат*³ собрать надо.

Говоря с Далгатом, Мага взял у него включенный телефон, что-то высказал по поводу его модели и мощности и вдруг завопил в трубку:

– *Ле*⁴, Мурад, салам! Это Мага. Че ты, как ты? Папа-мама, брат-сеструха? Я че звоню, этот черт, же есть, который Исашки брат! Махаться хочет! Ты сейчас где? Давай, да, подъезжай на Двадцать шесть⁵, кувыркнем их. Я его выстегну! Братуху тоже позови и Шапишку. Пусть приходят. Давай, саул тебе! На связи тогда!

Мага нажал на отбой и начал мять какие-то кнопки.

– Чиксы есть у тебя здесь?

– Нет, новая трубка.

Мага взгляделся в Далгата, обнажив здоровые зубы в улыбке.

– Ле, че ты, как дохлик? На качалку не бывает? – восклицал Мага, дружески хлопая Далгата по спине и плечам. – Садись со мной, мне пахан тачку отдал, с пацанами пять на пять выскочим, потом по Ленина вверх-вниз прокатимся.

– Мне тут рядом надо, – сказал Далгат, идя за Магой к новенькой иномарке, – подкинешь меня?

– Базара нет, – улыбнулся Мага.

Когда они сели, машину обступили узбекские дервиши-попрошайки, до этого сидевшие на тротуаре, поедая перепавший им откуда-то арбуз.

– Садаха, садаха, – ныли смуглые дети-оборванцы, протягивая грязные руки в раскрытые окна автомобиля.

– Э! – заорал Мага мамаше-узбечке. – Забери, да, их отсюда!

– Садахá⁶ давай, садаха, ради Аллаха, – упрямо заныла узбечка, отвлекаясь от арбуза.

– *Ё*⁷, ты меня богаче, же есть, – заорал Мага и, повернувшись к Далгату, сообщил: – Жируют здесь. Хлеба не возьмет она, только деньги ей давай!

Узбечка, будто услышав эти слова, встала и протянула:

– Хлеба дай, съедим, съедим, Аллах вора побьет, мы не воры...

Но Мага уже никого не слушал и, неожиданно дав по газам, помчался вперед, сквозь беспорядочный дорожный поток, совершенно не замечая светофоров. Они мигом оказались на повороте, где машина с визгом повернула налево и выехала на встречную полосу, игнорируя свист гаишника.

– Свистят, – заметил Далгат, вцепившись в сиденье.

– А, ниче не станет, мой пахан их всех сделает, – сказал Мага, не сбавляя хода и роясь одной рукой в музыкальных дисках.

Улица огласилась вокалом аварской певицы.

– *Ай, лазат*⁸! – крикнул Мага Далгату.

² Наркоман.

³ Общество (*араб.*).

⁴ Обращение к мужчине (*авар.*).

⁵ Улица 26-ти Бакинских Комиссаров в Махачкале.

⁶ Милостыня (*араб.*).

⁷ Обращение к женщине (*авар.*).

⁸ Наслаждение (*тюрк.*).

Вдруг машина с визгом остановилась, и Мага, опустив стекло, стал перекрикивать музыку:

– Девушки, девушки, подвезти не надо вас?

Мимо медленно шла группа эффектных девушек в броской одежде, блестящих туфлях и с отутюженными стрижками.

– Э, вы че, глухие что ли, тормозите, да! – кричал Мага.

– Нам не по дороге, – смеясь ответила одна из девушек, вальяжно поправляя волосы.

– Поехали, Мага, – сказал Далгат, вспоминая Сакину.

– Еще увидимся! – пообещал Мага девушкам и снова завел машину.

– Едем с Нуриком мимо Анжи-базара, две кентухи идут, – говорил он Далгату, чуть убавив надрывающуюся певицу, – то, се, полчаса за ними ехали, а одна другой говорит, типа съедем, же есть, нормальные пацаны, нас довезут.

– И чего? – спросил Далгат.

– До Манаса доехали, на пляже песок грамотный. Купаться их зовем. Эти курицы начали бычиться, Нурик одну схватил, она возникать стала. Нурик ей орет, мол, своим ротом нормально разговаривай, она орет типа братуху позовет. Бу-ва-ха-ха! – засмеялся Мага.

– Ну, чем закончилось? – спросил Далгат.

– Ну так, по мелочи движения сделали. Нурику лешка досталась, а у меня чикса-бикса такая была. Покурить им дали тоже. Они сначала возникали, потом как стали ха-ха ловить. Я одну узнал, она с Идриса двора, теперь ее там пацаны не оставляют, – смеялся Мага. – А тебе покурить достать не надо?

– Нет, *баркалла*⁹, – отвечал Далгат, – здесь останови.

Далгат вылез из автомобиля на одной из глухих улочек.

– Ле, нормально веди себя, да, – вылез за ним насупленный Мага.

Далгат, почувствовав, что поступает неправильно, протянул руку для салама. Мага взял его руку и полушутливо-полусерьезно сделал неуловимое движение, положил Далгата на лопатки, прямо на асфальт.

– Ле, че ты слабак такой? Не знаешь? Даги – сила! – снова развеселился Мага.

– Кто не с нами, тот под нами, – улыбнулся Далгат, вставая и отряхиваясь. – Хорошо, что подвез. Удачи!

– Ехал я, не теряйся! – крикнул напоследок Мага. Эстрадная песня с бухающей аранжировкой рвала Далгату барабанные перепонки. Автомобиль, подпрыгивая на ухабах, скрылся из виду.

2

Оставшись один, без Маги, Далгат стал вспоминать, который из беспорядочно наклепленных друг на друга домов принадлежит Халилбеку. Глиняные хаты чередовались с особняками, большей частью еще не достроенными. На тротуаре тут и там лежал строительный песок, щебень и кучи мусора, а по грязной проезжей улице бегали дети в рваных трусах и с болтающимися на шее амулетами в виде кожаных треугольников.

У ворот с надписью «Ахвах – сила» болтали женщины в дешевых платках и байковых халатах. Осмотрев Далгата с ног до головы, закричали:

– Кого ищешь, парень?

– Халилбека дом! – закричал в ответ Далгат.

– Вон угол же есть? Туда прямо иди, там красный кирпич будет. Дома они.

⁹ Спасибо (*авар.*).

Пройдя несколько шагов до угла, Далгат заметил шпану, сидящую на корточках вдоль обочины. Их было пять или шесть, и все сплевывали под ноги. Завидев худосочного незнакомца, группа оживилась.

– Ле, салам не бывает? – спросил рыжий в красных шортах, окликавая Далгата.

– Ассалам алейкум, – сказал Далгат, приближаясь и протягивая им руку как можно небрежнее.

– Трубка есть поиграться? – спросил рыжий, шлепая его по ладони, но не вставая.

– Нету трубки, в ремонте.

– За слона отвечаю, есть у него, – встрял другой охломон, выгребая из кармана семечки и лениво щурясь на солнце.

– Эээ, – возмутился рыжий, – ты че там мутишь, *маймун*¹⁰? Трубку дай, я сказал!

– Не дам, – не сдавался Далгат, решив стоять до конца. – Я братуху сейчас позову.

– Я твоего братухи мир топтал! – взвился рыжий. – Че стало, ле?

– Ниче не стало! – выдал Далгат.

– Э, Ибрашка, скажи, да, ему, – рыжий, кажется, был возмущен до предела.

– Суету не наводи, да, здесь, – сказал Ибрашка, угрожающе вставая и показывая резиновые тапочки на босу ногу, – че за хипиш?

И внезапно заломил Далгату руки.

– Ты с ним бакланиться будешь? – спросил кто-то из компании.

– Да я ему пощак с ноги дам!!! – сплюнул Ибрашка и задергал Далгата в разные стороны.

Его еще не били, но уже тормозили, обступая со всех сторон и мешая друг другу. Упорней всего прорывался рыжий.

– Ты че понтуешься? – хрипел он Далгату, тыча ему в лоб здоровую пятерню.

Сзади послышался мальчишеский крик «Махня!», и Далгат увидел, как зеваки бегут к ним с соседних улиц. Бросились разнимать. У Далгата упала кожаная папка, и кто-то наступил на нее кроссовкой. Какой-то лех в спортивках с важно-серьезным лицом пытался расцепить Далгата и рыжего. Рыжий толкнул леха локтем в нос, за что получил нежданчик по ребрам. В шуме и гвалте кто-то закричал:

– *Сабур*¹¹, пацаны, это Хаджика Белого брат!

Далгат почувствовал, как толпа слегка расступилась, а потом увидел самого Хаджика, сына Халилбека, и двух его приятелей. Тот, что слева, держал напоказ дорогой телефон, в котором что-то урчало. Хаджик был накачан и выглядел модно. Светлые волосы слегка отпущены на затылке, на ногах – отполированные лакские туфли с цепочкой.

– Ле, вы че моего братуху обижаете? Че за непонятки? – бросил он толпе.

– Это Русик на него наезжал, – рассерженно заорал кто-то высоким голосом.

– А че я? За родные слова отвечаю, я ему слова не сказал. Трубку попросил, он быковать начал, а потом на измены сел! – закричал Русик, подтягивая красные шорты. – Э, пацанчик, нормально делай – нормально будет, понял, да?

Он обхватил Далгата своей толстой рукой, как бы показывая, что они друзья.

Далгат вырвался, поднял пыльную, со следами чьих-то ног папку и пошел к Хаджику.

– Э, ты че кисляки мочишь, *хйван*¹²! – заорал ему рыжий.

– Ты че сказал? – нахмурился Хаджик, нащупывая что-то в кармане.

– Я че, я ниче, – зарядил рыжий.

¹⁰ Обезьяна (*тюрк.*).

¹¹ Спокойствие (*араб.*).

¹² Скотина (*араб.*); [хI] – глухой щелевой мягкий согласный звук; [чI] – альвеолярный звук, похожий на сжатое [ч]; [кI] – заднеязычный звук, похожий на усиленное [к].

– Будешь еще возникать, я тебя в натуре выстегну, – погрозил Хаджик, оставив карман в покое, и отвел Далгата к черным воротам, за которыми виделся краснокирпичный домик.

– Что, уронил тебя этот бык? – спросил Хаджик. – Ты с ними не связывайся. Этот Русик – вообще камень.

– Уезжаешь сейчас? – спросил Далгат.

– С пацанами по городу проедемся, ты в дом заходи, Арип тоже дома. Цинкани, если чо, я тебя подвезу куда надо.

– *Баркалла*, – сказал Далгат, прощаясь с Хаджиком за руку.

– Проблемы будут – обращайся.

Хаджик пошел к друзьям, бросив крепкое словцо в сторону расходящегося сборища. Все трое сели в иномарку и рванули за угол.

3

Далгат поспешно зашел в ворота и оказался в маленьком внутреннем дворе с торчащим из земли краном около небольшого двухэтажного строения. Второй этаж был не доделан и пах известкой. Из дома вышла тетя Наида и подошла обниматься.

– Вай, Далгат! Где был? Что такой помятый? Как мама? Заходи, сейчас хинкал будет.

На стене комнаты, под лепным потолком, висел ковер с вытканым портретом имама Шамиля в папахе. Под ним, на диване, обложенном декоративными подушками, сидел тяжелобровый Арип, старший брат Хаджика. На голове Арипа красовалась темно-синяя тубейка, вышитая золотом.

– Где тебе футболку растянули? – спросил он, здороваясь с Далгатом.

– А, здесь, приставать начали у вашего дома. Хаджик мне помог.

– Куда он поехал снова?

– По городу, говорит, прокатится.

– В ад он прокатится, – хмыкнул Арип, – сколько я ему говорю, не ездь с этими шакалами, а он хай-хуй поднимет и едет на движения... Ты, Далгат, не начал еще молиться?

Далгат тяжело вздохнул:

– Я же тебе говорил...

– Ты сюда слушай, я тебе всю дорогу говорю, чтобы ты молиться стал, ты че меня не чувствуешь? – нагнулся к нему Арип. – Вот ты этих аташек видел у ворот? *Хажси, машалла*¹³, траву не пробует, а то я его поломаю. А эти ослы мажут, или просто сидят, бакланяться, или к девушкам пристают полуголым. Куда катится этот кяфирский мир, скажи? Клубы здесь понастроили, дискотеки, женщины посмотри, как ходят! Это что такое? Если бы у нас шарият был, этого *наджаса*¹⁴ бы не было здесь, скажи?

– Бесплезно с тобой говорить, Арип.

– Мой долг тебя наставить. Совершающий получает вознаграждение, оставляющий получает наказание. Из одного хадиса мы знаем, что человек будет семьдесят лет лететь ко дну ада лишь за одно неправильное слово, а что говорить за наказание про дела?

– Я не верю в сказки про Пророка, – сказал Далгат.

– А ты знаешь, что было с одним мужчиной, который был коммунистом, а потом поверил? Он очень молиться стал, его все мавлиды петь звали. Он очень хорошо мавлиды пел. И, раз, один день ему говорят: ле, у нас родственник умер, приезжай в Буйнакск на мавлид.

¹³ *Слава Богу (араб.).*

¹⁴ Нечистое вещество, оскверняющее человека (*араб.*).

А другие говорят нашему сыну *сунат*¹⁵ сделали, приезжай в Дербент на мавлид. И он, это, в один день был одновременно и в Буйнакске, и в Дербенте.

– А как узнали?

– Как узнали... Друг другу звонят: салам – салам. Один говорит: у нас тут в Буйнакске Надыр зикр читает, а другой говорит: нет, у нас он, в Дербенте... Клянусь! – говорил Арип. – А про имя Аллаха на помидорах знаешь?

– Нет.

Арип достал свой распашной мобильный и, чем-то щелкнув, показал Далгату экран, на котором крупным планом изображался помидор без кожуры. Белые прожилки на помидоре изгибались в некое подобие арабской вязи.

– Видишь? – сказал Арип, торжествуя. – Здесь написано «Аллах». Этот помидор у праведных людей вырос.

– Фотошоп, – бросил Далгат.

– Какой фотошоп! – взвился Арип, вынырнув из спокойствия. – Я тебе говорю, настоящие помидоры, ле! А про человека, который молитвы слышал, знаешь?

Далгат махнул рукой.

– Нет, слушай, мы знаем, что все – и животные, и растения – каждый день воздают хвалу Всевышнему, и этот человек, моего друга земляк он, стал слышать, как животные и растения говорят «Лаиллахаиллала!»¹⁶. Он спать не мог, же есть, и поехал к Саиду Апанди в Чиркей, и тот ему сказал, что это великий дар. Но он попросил Апанди снять этот дар... Много доказательств есть. Тот американец-космонавт, который в космосе был, он азан слышал. Все это знают!

– Арип, дураки говорят, а ты веришь...

– Ты Камиля знаешь с Изберга?

– Знаю, и что?

– Вот он дурак. Из-за таких, как он, ислам не любят. Он за джихад говорит, только всё неправильно. *Фетвы*¹⁷ мне по аське присылал. Я ему говорю: ле, Камиль, вставай на верный путь, ты что? Не послушал он никого, в лес ушел. Все грехи, говорит, сауны, взятки, туда-сюда, от России, надо шариат сделать и неверных убивать.

– Ты тоже так думаешь? – спросил Далгат.

– Про шариат они правильно говорят, но с Россией надо быть, *харам*¹⁸ от нашейверхушки идет. Верхушку надо поменять. Одну нацию поставят, же есть, и начинают воровать от души. А если голову отрубать за каждую взятку, не брали бы.

– Вот ты их поучи сначала морали, – сказал Далгат, – или они лучше меня, раз намаз делают и в хадж за товаром ездят?

– По ним не суди! Если какие-то мануфики намаз делают, потом грабят, это не значит, что ты не должен намаз делать. К шейху сходи, он тебе все объяснит.

– А Камиля что к шейху не послал?

– Камиль уже всё, пропал он. Ничего не читал по исламу, ничего не знал, только всех кяфирами обзывал. У них в семье копейки тоже не было, они за сестру в вуз на лапу всем *тухумом*¹⁹ собирали. Вот он стал вахов слушать. А вахи – они же не истинные моджахеды, у них ислам неправильный. За то, что невинных людей убиваешь, в рай не попадешь. Вот

¹⁵ Обрезание (*араб.*).

¹⁶ Звук, соответствующий английскому [h].

¹⁷ В исламе – решение, выносимое по какому-либо вопросу муфтием или специалистом в области исламистского права (*араб.*).

¹⁸ В шариате – запретное действие (*араб.*).

¹⁹ Род, клан в Дагестане.

таких, как Камиль, молодых, на смерть ведут. Это Америка им деньги дает, чтобы они наших пацанов убивали и против России войну делали! Они шейхов отрицают, мавлиды, святые места, *устазов*²⁰... Только чужими руками убивать хотят!

– Войска бы только не пришли сюда, – сказал Далгат.

– Вай, не говори! Еще хуже будет! – воскликнул Арип. – Отвечаю, каша будет здесь! КТО²¹ знаешь, как у нас проходит? Раз Осман звонит мне, типа приезжай на Батырая, такой базар здесь. А пробки же есть же, я ехать не успеваю, кричу ему, типа, че тама, че тама. Осман говорит, здесь в квартире, говорит, операция была, никого не разогнали, трупы при всех вынесли, машины стоят, кругом хай-хуй, людей полно. Тела боевиков на улице лежат. Один вах еще жив был, сразу его автоматом сделали, спецназ трупы добил, потом начал народ разгонять. По машинам бьют, на людей наезжают. У Османа друга вмятина осталась на капоте. Че за беспредел, скажи? Одного хотя бы ваха оставили бы, им что, информация не нужна, что ли? Народ че заранее не убрали оттудова? Хампец нам будет, если этому спецназу волю дать, отвечаю.

– И наши менты не лучше, – начал Далгат.

– Наш сосед же есть, Джамалудин, девяносто лет ему, в больнице операцию ему сделали, и внук у него, короче, Муса, грамотный пацан. Всегда нашей матушке сумки таскал с базара. И это, раз приходят к нему в масках. Обыск, туда-сюда. Почему, зачем – молчат, ордер не показывают. Уехали и Мусу с собой забрали. После этого паспорта пропали, деньги пропали, у старика тоже. И это, не отпускают Мусу ни в какую. Его отец в ментуру пришел, там ему начальник ОВД говорит, мол, клянусь Аллахом, сына вашего не тронут, уходите. Врал он. Они Мусу все ночи подряд избивали, душили, током били, зубы рвали, заставляли признания делать, что он вах. Адвоката к нему не пускали. Потом из спецназа трое взяли, увезли его на трассу, там избивали тоже, оскорбляли, туда-сюда. Отец его потом узнать не мог. Две недели пацан раненый в камере лежал у этих хайванов. Далгат, ты скажи, их как после этого оставлять?

Далгат сидел подавленный и молчал.

Тетя Наида внесла пышный аварский хинкал, куски сушеного мяса, творог с чесноком, аджику и черный урбеч из льняных семян. Села в кресло, обтянутое цветастым покрывалом, подобрала валяющийся в кресле пульт.

– Что, Арип, – сказала тетя Наида, – телевизор можно включить?

– Включай, что спрашиваешь, – отвечал Арип, прошептав обычное перед едой «бисмиля».

Далгат понял, что голоден, и принялся быстро обмакивать куски теста в соус.

Пощелкав стертыми кнопками, тетя Наида попала на какой-то дагестанский клип. Восходящая звезда даргинской эстрады крутила бедрами и пела про красивые улицы Махачкалы, по которым ходит ее любимый.

– *Нах босе!*²² – бросил Арип, вгрызаясь в кусок мяса.

Певица убралась, и на экране показался мэр и мятые лица чиновников. Кого-то отчитывали за очередной сбой подачи электроэнергии и воды, кого-то за горящие мусорные баки. Мэр был грозен, чиновники трусили.

– У вас есть вода, Далгат? – спросила тетя Наида.

– Не знаю, домой не забегал еще.

²⁰ Устаз – учитель, наставник тариката (*араб.*). Тарикат – путь познания Бога, суфийский исламский орден, популярный в Дагестане.

²¹ Контртеррористическая операция.

²² Убери (*авар.*).

– У нас месяц не было, потом только горячая пошла, нам Сохраб от себя канистры возил.

– А дядя Халилбек скоро придет? – спросил Далгат. – Мне нужно ему одну папку передать.

– Ты лучше ему сам передай, – сказала тетя Наида, – он сейчас в республиканской библиотеке должен быть, там какую-то книжку презентуют, я слышала.

Со двора послышалась громкая музыка.

– Хажи! – закричала тетя Наида.

– Я²³! – раздался голос Хаджика.

– Кушать иди!

В комнату вошел веселый Хаджик и запрыгал на месте, боксируя воздух.

– Че тухлые такие? – прыгал Хаджик.

– Идем, пять сек побазарим, – сказал Арип, вытирая заросший подбородок и выходя из комнаты вместе с дурачащимся братом.

– Иди там быстро поешь, Хажи, потом Далгата отвезешь, – крикнула им вслед тетя Наида и спросила Далгата с улыбкой: – Ты Магомеда сына свадьбу видел?

– Нет, – ответил Далгат сонным голосом.

– Я тебе сейчас чуть-чуть покажу, – сказала тетя Наида, всовывая очутившуюся в руках кассету в видеомагнитофон.

На экране заплясали какие-то знакомые фигуры. Взрослые и молодые. Тетя Наида нажала на стоп-кадр и обернулась к Далгату.

– Что? – спросил Далгат.

– Это Мадина, твоего дяди Абдулы дочка, на медицинском учится. Нравится?

На экране, подняв руки кверху, застыла девушка, гладко причесанная, в открытом вечернем платье.

– Оставьте, да, тетя Наида, – занервничал Далгат, – не нравится.

– Что не нравится? Посмотри, какая красивая, и дома все умеет...

Далгат встал с дивана и направился к выходу.

– Подумай, – слышалось за спиной, – свой дом строят, скоро достроят, участок в горах есть.

В прихожей Хаджик уже надевал начищенные лакские туфли.

– Трубку посеял. Когда дрались, наверное, – сказал Далгат.

– Не паникуй, я сегодня разберусь с ними, – ответил Хаджик, – я их опрокину.

– *Нух битаги*²⁴, Далгат, сегодня свадьба у Залбега, может, там увидимся, – сказала тетя Наида.

Арип на прощанье крепко пожал руку и сказал:

– Вещи делай, вещи! Подумай о Всевышнем. Вот держи Фарз айн.

Арип протянул Далгату тонкую книжечку с описанием молитвенной техники.

Далгат сунул ее в папку, пообещал почитать и пошел за Хаджиком.

Стало ветрено. Далгат смотрел, как за стеклом автомобиля летают по грязному городу картонки и целлофановые пакеты. Девушки, разодетые как продажные женщины, придерживали юбки и волосы. Хаджик смотрел на них и хохотал:

– На них, на них смотри!

Несколько раз он вылезал из машины, чтобы поздороваться со знакомым джамаатом, топлящимся на тротуаре или выписывающим круги на авто.

²³ Форма отклика на зов, вроде «что?» (*авар.*).

²⁴ Счастливого пути (*авар.*).

– Четкая тачка, правда? – хвастался Хаджик. – Я на ней за десять минут кого хочешь подцеплю. А ночью вообще атас, я с пацанами всю дрифтую. На скоростях по всем улицам.

– А что, светофоры не работают? – спросил Далгат.

– Оставь, да, какие светофоры, сейчас даже ментов на улицах нет.

– А где они?

– По домам сидят, снайперов боятся. Делай, что хочешь. Правда, у нас же, это, бытовухи-криминала особо нету.

– Работает где-то? – спросил Далгат, следя, как дергается в такт движению болтающаяся у зеркала арабская молитва.

– Сейчас нигде, пахан обещал в прокуратуру устроить, там у него друг есть... Знаешь сколько стоит в ДПС попасть, рядовым? – неожиданно спросил Хаджик.

– Нет.

– Двести пятьдесят штук. Хотя этих дэпээсников только так убивают.

Хаджик сделал какой-то финт, въехал на тротуар и остановился, чуть не задев маршрутку «двойка как троллейбус». Мимо на полной скорости проехала «десятка» с гогочущими молодыми людьми. Все, включая водителя, совершенно высунулись из окон и держались за крышу автомобиля.

– *Ай саул*²⁵, пацаны! – крикнул им Хаджик вдогонку.

Далгат распрощался с Хаджиком и, пройдя магазин серебряных украшений, зашел в библиотеку.

4

В маленьком зале, перед разогретой солнцем толпой журналистов, чиновников и пышно разодетых женщин, торжественно сидел президиум. Матроны в газовых платках, крупные скучающие мужчины. В центре – эффектная дама, сильно нарумяненная, с ярко подведенными глазами и глубоким декольте. По стенам – портреты русских классиков и отцов дагестанских литератур. На трибуне стоял невзрачный и потный мужчина в очках, как видно зачитывающий с листа какое-то официальное обращение.

– Ваши стихи, Гюль-Бике Акаевна, это гимн человеческому труду и упорству, – с чувством читал мужчина. – Сегодня они знамениты во всем Дагестане, известны в России и за рубежом. В них ярко отображены история родного края, его неповторимые красоты, величие заоблачных гор, равнин, седого Каспия, аулов, сел, городов, населяющих их людей. У вас, Гюль-Бике Акаевна, большое и горячее сердце, через которое проходят все радости и боли родной земли. Вы пишете о трудной судьбе женщины степи и гор, мужестве самоотверженных сынов Дагестана. Ваши стихи нравственно воспитывают молодежь и являются жизненным маяком для подрастающего поколения. Поздравляю вас с выходом пятнадцатой книги. Пусть растут и крепнут ваши творческие успехи и достижения! Спасибо!

Раздались шквалистые аплодисменты. Расчувствовавшаяся Гюль-Бике привстала и, вся сияя, дважды поклонилась, сначала в сторону трибуны, потом – залу. Выступавший мужчина, также светясь от счастья, бережно сложил официальное обращение, снял очки и откашлялся.

– Вы меня извините, пару слов от себя скажу тоже. Я давно влюблен в поэзию виновницы нашего торжества. В ее стихах ярко встает образ кыпчакской женщины, наездницы, повелительницы тюркских степей. Гюль-Бике – женщина Великой Степи. Она уже легенда при жизни. Ее поэзия глубока, как Каспийское море, и высока, как наши Кавказские горы.

²⁵ Междометие, выражающее восторг.

Расул Гамзатов, когда читал стихи Гюль-Бике, говорил: «Вот поистине народная поэзия». И я каждый раз, когда читаю ее стихи о любви, о душе, о природе, о народе. И еще, Гюль-Бике, тут я теряюсь прямо, что сказать. Она очень великолепная женщина. Она прямо как душистый цветок на склоне Тарки-Тау. И сейчас я держу ее новый сборник «Избранное», и с благодарностью читаю дарственную надпись: «Дорогому Калсыну, дорогому брату, дарю ноты моего сердца. Твоя Гюль-Бике». Я, милая Гюль-Бике, тоже пришел к тебе со стихами. Надеюсь, они хоть чуть-чуть сравнятся с твоей красотой.

Гюль-Бике разомкнула ярко-красные губы и чуть подалась вперед. Раздались сдержанные аплодисменты.

Республиканской библиотеки тихо двери распахнув,
Я пришел к тебе на вечер, дорогая Гюль-Бике,
Что могу тебе сегодня, как джигит, я предложить?
Только звук кумыкских песен, дорогая Гюль-Бике!
Наши предки величавы, ты такая, как они!
Книги Пушкина читаешь, пишешь даже лучше ты!
Любоваясь, я склоняюсь перед милой Гюль-Бике,
Твоя книга заблестала, как алмазы при луне! —

читал невзрачный мужчина.

— А теперь, — сказал он после продолжительных аплодисментов публики, — я думаю, надо пригласить сюда Юлю Исаеву, которая перевела стихи Гюль-Бике на могучий русский язык.

Последние слова мужчина громко выкрикнул в зал, сорвав еще несколько хлопков. Вышла низенькая девушка с длинными запутанными волосами.

— Стихи нашей прекрасной поэтессы переведены на многие языки мира, — говорила девушка, сильно волнуясь. — Я постаралась сохранить в переводах ту великую силу чувств, которая Гюль-Бике присуща.

Прибой... шум моря так меня волнует,
И ветер на меня холодный дует,
Равнина тюркская, как женщина, лежит,
И солнце уж ушло в зенит...

Пока читали стихи, Далгат искал глазами Халилбека. В первом ряду он заметил седой и плоский затылок, наверняка принадлежащий дяде. Задержав на нем взгляд, Далгат принялся рассматривать других мужчин. Они почти все были в возрасте и казались утомленными даже со спины. Кто-то зевал, кто-то вытирал шею салфеткой, кто-то рылся в кармане рубашки или украдкой шептался с соседом. Фигуры в президиуме, приученные к длинным заседаниям, напротив, застыли, как монументы. Далгат увидел, что переводчица, сильно тушуясь и горбясь, идет на место, а на трибуне уже стоит известная народная поэтесса Патимат, которую невзрачный мужчина успел назвать мужественной горячкой, бросающей плавок мира между разгоряченными мужчинами.

— Она идет по жизни, как по разбитому стеклу босиком, раня в кровь ноги, — восклицал он, теребя очки, — и сегодня она хочет сказать небольшое напутствие нашей дорогой Гюль-Бике, которой мы желаем прославиться на всю страну так же, как Патимат.

Патимат была в годах и пестро разодета. Волосы, собранные в виде высокой башни, украшены большой коралловой заколкой, а пальцы — кубачинскими перстнями. В ушах висели тяжелые серебряные серьги с крупными камнями. Наброшенная поверх ярко-алого

свободного платья, схваченного старинным поясом, волочилась по полу длинная зеленая шаль.

– Когда я была маленькая, – начала поэтесса скрипучим голосом, разведя руки в стороны, – я шла с кувшином к роднику, чтобы принести домой воды. Из-за царственных острых гор вставало солнце, и луч солнца отразился в серебре моего начищенного мелом кувшина. И я сказала: «Да, я буду поэтом». Так, во мне до сих пор живет та девочка с длинными косами, готовая вскарабкаться на вершину Акаро, чтобы увидеть восход солнца и радугу, сотканную из частиц рассеивающегося утреннего тумана.

Далгат ерзал на стуле, смотрел на седой затылок Халилбека и ждал, когда сможет подойти поближе и выманить его в коридор. Но тут Халилбек обернулся к Далгату и оказался вовсе не Халилбеком, а работником какой-то из коммунальных служб, часто виденным по местному телевидению. Почувствовав досаду, Далгат снова оглянулся кругом и увидел рядом с собой худощавого черноусого мужчину с буханкой белого хлеба под мышкой. Буханка под мышкой так удивила Далгата, что некоторое время он молча сидел, разглядывая паркетный пол, а потом обратился к черноусому с вопросом:

– Извините, Халилбек здесь, не знаете?

– Ушел, – отвечал мужчина. – И я пойду уже, часа три сидим, скучно здесь.

– Точно ушел? А куда? – переспросил Далгат.

– Он речь сказал, а потом убежал, на свадьбу спешил. Сюда, в «Халал», у моря.

Далгат вспомнил, что тетя Наида что-то говорила про свадьбу Залбега. Вокруг громко и упорно захлопали, отчасти перекрывая скрипучий голос. По-видимому, речь народной поэтессы затягивалась или шла по неправильному руслу.

– Когда меня обступало лицемерие, – надрывно говорила поэтесса, – я бежала в родной аул и прижималась щекой к его вековым камням. Сила духа предков передавалась мне через эти камни, и я думала: даже превратившись в камень, можно сохранять теплоту души... Я...

Аплодисменты возобновились. Откуда-то с букетом роз выбежал заметно нервничавший ведущий презентации. Он преподнес Патимат цветы и, выждав несколько минут радостных оваций, увел поэтессу вон. Гюль-Бике продолжала торжественно улыбаться.

Внимательно оглядев зал и еще раз убедившись, что Халилбека нет, Далгат начал пробираться к выходу. Тем временем к столу президиума, держа в полных руках микрофон, вышла кокетливая полнозадая дама в блестках.

– Вай, я так волнуюсь, потому что мне предстоит спеть песню на стихи самой Гюль-Бике, – пояснила женщина звучным голосом.

Гюль-Бике снова подалась вперед и сплела усеянные золотом пальцы.

Но Далгат уже выходил на улицу. Вслед за ним вышел худой мужчина с буханкой под мышкой и пожал ему руку, представляясь:

– Яраги.

– Далгат.

– Какой молодой человек и на вечер пришел, – сказал Яраги, – а я вот не хотел идти. Я уже плюнул на них. Почему, говорю, в лезгинскую секцию захожу, приношу стихи, говорю, так и так, дайте в издательство. Не дают. Почему, говорю, этой Сивли Ярахмедовой пятый сборник выходит? Мне говорят: *ама-а-ан*²⁶, она же в министерстве сидит! А ты не сидишь. Клянусь, так говорят.

Они шагали прямо по краю проезжей части, потому что узкий тротуар уже года три как был перерыт и завален досками. Из распахнутых дверей лавок неслась музыка и голоса. На деревянных стульчиках сидели менялы и зазывали: «Доллары берем, доллары берем». Кое-где пяточки перед частными магазинчиками были выложены цветной плиткой, на которой

²⁶ Пошадди (тюрк.).

зимой скользили каблуки красавиц. Вспотевший Яраги вынул из кармана штанов тонкую книжку в мягкой обложке, на которой были изображены горы и пирамидка какого-то селения.

– Вот, в Москве только смог издать, мне родственник помог. Почему, говорю, здесь не печатают? Это не стихи, здесь просто размышления о родине, – Яраги протянул книжку Далгату.

Далгат взял книгу и положил ее в кожаную папку, рядом с посланием для Халилбека.

– Я тогда в «Халал» пойду, – сказал Далгат, – мне Халилбек нужен. За книгу спасибо, обязательно прочту.

– Спасибо, дорогой! – растрогался Яраги. – Там мой номер записан, ты мне позвони. Приедешь ко мне в Мамедкалу, у меня там виноград растет, жена долма сделает.

– Как-нибудь, – пообещал Далгат.

5

Он старался идти по тени, но тени почти не было. Тяжелые наряженные женщины, скопившиеся на дороге, закрывали путь и мешали ему идти. Обогнав их, он нырнул за угол, где стояла толпа мужчин среднего возраста и плотная, широкая в обхват бабья фигура в шелковом платке, упершая руки в бока. Шел привычный и полутайный торг о цене. Один из мужчин, конфузливо ухмыльнулся зазевавшимся прохожим девочкам: «Уходите, девушки, вам нельзя здесь». Далгата кольнуло, когда он увидел эту толпу и место, где сам однажды точно так же стоял и торговался, чтобы потом провести два часа с бесстыдной скуластой женщиной.

На длинном заборе, за которым тянулось многолетнее и мучительное строительство спорткомплекса, кто-то написал углем без знаков препинания: «Сестра побойся Аллаха – одень хиджаб». Чуть дальше – «Дагестан, защити религию Аллаха словом и делом! Внуки Шамиля» и наконец – «Смерть врагам ислама аллагью Акбар». Между ними радужно лепились афиши концертов и рекламы салонов красоты.

Около большого перекрестка, где обычно слонялись со своими автоматами бездельные рядовые милиции, грызя семечки и приставая к медленно прогуливающимся модницам, было оглушительно шумно. Из джипа, сотрясавшегося от рева местной эстрадной музыки, торчали чьи-то босые ноги и прищелкивающие пальцами руки. По обочинам дремали толстые и худые бабушки с мешками жареных семечек, а из внутренних, завешанных бельем дворов доносились разноголосые крики.

Дома так и норовили съесть тротуар вместе с наваленными кучками мусора. Кто обнес себе двор забором прямо по проезжей части, кто проглотил трансформаторную будку и дерево, кто на маленькой пяди земли возвел себе длинную, в шесть этажей башню. Забыв, что растут на равнине, дома по горской привычке лепились друг к другу. Квартирные многоэтажки со всех сторон обрастали огромными пристройками и застекленными лоджиями, а частные саманные хаты упрямо и нудно обносились высокой стеной из модного желтого кирпича.

Далгат свернул в сторону мелких улочек и еврейских кварталов, кучкующихся вокруг порта и холмика Анжи-акра с маленьким маяком на вершине. Он уже слышал звуки лезгинки и видел «Халал» с открытой мансардой и мелькающими белыми фигурами. Во дворе у банкетного зала стояло двадцать или тридцать украшенных лентами автомобилей, возле которых носились тучи детей. Невесту, видимо, привезли недавно, потому что, поднявшись по лестнице, Далгат сразу же увидел потного зурнача и барабанщика, которых кто-то поил минералкой. Стол был накрыт на три тысячи человек и полон людьми, большей частью зна-

комыми или где-то виденными. К Далгату сразу подлетел веселый родственник с брющком и стал обниматься.

– Салам алайкум, Далгат! Ле, Исрапил, это Ахмеда, *мунахIал чурая*²⁷, сын, помнишь? Как на отца похож, ва! – восклицал человек с брющком, радостно представляя Далгата окружающим мужчинам. Те в основном узнавали Далгата и звонко хлопали ладонями в пожатии. Обойдя довольно много людей, Далгат оказался в плену двух каких-то женщин в фартуках, с масляными руками. Женщины что-то спрашивали про его мать, и Далгат отвечал им, что мама сейчас в Кизляре. Его подвели к старухам в длинных светлых платках, сидящим в ряд за щедро накрытыми столами. Начались объятия и поцелуи. Далгат давал старухам чмокать себя в руку и отвечал невпопад, потому что ни вопросов, ни ответов не было слышно из-за громкой музыки.

Освободившись, он вспомнил, что ему надо бы внести свою лепту. Недалеко от входа находился столик, за которым сидели две тети с калькулятором и тетрадями, куда записывалось, кто и сколько дал денег. Далгат подошел, поздоровался, кое-как перекрикивая музыку, и отдал почти все, что нашлось в кармане.

– Далгат, салам, идем, что здесь стоишь, пошли резко! – крикнул ему в ухо откуда-то возникший молодой родственник, вихрастый и беспокойный, увлекая мимо бесчисленных столов в центр событий.

Перед столом молодых, за которым висел красный ковер с выложенными ватой именами «Камал и Амина», шла бурная пляска. В центре тесного круга медленно и неповоротливо крутилась невеста в пышных юбках, дерзком декольте и с опущенным в смущении сильно накрашенным лицом. Вокруг невесты, оттеснив жениха, козлами скакали его друзья. Один лихо взлетал, горделиво поводя плечами, другой, сменяя его, вертелся на месте, третий, в свою очередь, выхватывал у второго белую, в шифоновых кружевах палку, выкаблучивал ногами и выделявал вокруг невесты пасы руками, то неожиданно и быстро смыкая их вокруг ее талии, то воздевая над ее сложной прической и посыпая дождем из смятых купюр. Под зажигательную музыку хотелось плясать, но Далгат зарылся в толпу гостей и только хлопал. Девушки были особенно ухожены и наряжены, все сверкали какими-то украшениями и стразами.

Невеста продолжала лениво переступать ногами, обмахиваясь веером и придерживая кринолиновые юбки. Пока раззадоренные юноши без устали состязались в танцевальных прыжках и кульбитах, издавая громкое «Арс» и прочие молодецкие крики, худая женщина сосредоточенно ловила бумажные деньги, падавшие невесте на голову, под ноги и в складки платья. Расфуфыренная эстафетная палочка мелькала то в одних, то в других руках. Спустя пару минут невеста, видимо, устала крутиться и вместе с подругами, оправлявшими ей наряд, все так же медленно и осторожно начала пробираться к месту. Далгат увидел улыбчивого жениха, рыжего и высокого, идущего следом, и вспомнил, как в детстве, в старом селе, они сами были на чьей-то свадьбе. Тогда все сельчане усеяли плоские крыши домов, а на улице на стол молодых поставили пестро украшенную козлиную голову. Носили тяжелые подносы с хинкалом и вареным мясом. Какой-то ряженный мужчина семь дней разливал вино, а гости семь дней танцевали под зурну и барабаны.

Пока Далгат воспоминал, круг раздался и разлетелся на отдельные танцующие пары. Какая-то девушка тронула его за локоть и поднесла скрученную салфетку, как знак приглашения. Далгат попятился и хотел отказаться, но, засмутившись, все-таки принял салфетку и воздел кулаки. Пройдя три круга вместе с плавно семенящей девушкой, Далгат почувствовал неловкость за свои скупые и неумелые движения и остановился, слегка склонив голову и похлопав партнерше в знак окончания танца. Девушка взглянула игриво и удивленно и

²⁷ Царство ему небесное, букв.: Да смоятся его грехи (*авар.*).

пошла прочь, а Далгат быстро смял салфетку и сунул ее в карман. Приглашать никого не хотелось.

Он оглядел многолюдный зал и подумал, что Халилбек мог легко здесь затеряться.

– Салам, Халилбека не видели? – спросил он у проходящего сухого человека в фетровой шляпе.

Сухой человек с интересом посмотрел на Далгата и спросил:

– *Мун лъиль вас*²⁸?

– *Мусал АхИмал вас*²⁹, – ответил Далгат.

Сухой человек оживился и повлек его за собой.

– С нами садись, – кричал он сквозь грохот лезгинки.

Сели. На столе стояли блюда с голубцами, картофелем, горячими, посыпанными толочном чуду, зелень и закуски. Несколько человек пили водку. Налили и Далгату.

– Вот скажи, земляк, – сказал один из сидящих, грузный и печальный, – сколько это будет продолжаться?

Он неопределенно взмахнул рукой в сторону.

– Что? – спросил Далгат, подавшись к его уху.

– Этот *хИанур-чанур*³⁰.

Музыка оборвалась, и в возникшей тишине слова человека прозвучали громко, как выкрик. Далгат ничего не ответил и молча наложил себе в тарелку каких-то баклажанов и чуду. В здоровенных динамиках у стены послышалось шуршание, а затем захрипел путающийся, с акцентом голос.

– Сейчас, дорогие друзья, родственники, гости, слово я предоставлю очень хорошему, очень почетному человеку, который все делает для родных, много достиг в жизни и, короче, помогает им во всем. И в этот день, когда соединяются сердца наших дорогих Камала и Амины, он скажет им напутствие. Слушай сюда, Камал! Потом поговорить успеешь. Тебе сейчас уважаемый Айдемир расскажет, как тебе поступать в будущей семейной жизни. Айдемир, вот скажи мне...

– Ле, земляк, не знаешь, что сказать, да? – спросил грузный мужчина Далгата, не слушая косноязычного тамаду.

– Не знаю, – отвечал Далгат, подцепляя масляное чуду.

– Бардак же кругом, кругом бардак, – качал головой мужчина.

Из динамиков уже несся голос Айдемира.

– Сегодня соединяются сердца представителей двух народов, двух великих народов Дагестана, – вдохновенно и с пафосом говорил голос, – аварского и лакского. Мы очень рады, что наш Камал, которого я еще помню во-от в таком возрасте, теперь такой джигит, орел, и что он женится на самой красивой девушке Амине из знаменитого аула Цовкра. Весь мир знает канатоходцев из аула Цовкра, и я желаю Камалу, чтобы со своей женой ему было легче, чем канатоходцу на канате. Давайте выпьем за эту новую семью! Пожелаем, чтобы у Камала и Амины родилось десять детей! И все радовали своих родителей.

Айдемир, видимо, поднял бокал, так что все мужчины встали. Далгат тоже поднялся и пригубил для виду. Когда снова уселись, грузный мужчина опять обратился к Далгату:

– Вот лакцы – хорошие они, а даргинцы они шайтаны, купи-продай.

– Почему это? – спросил Далгат.

– Как это, почему? Все знают это! Торговцы они, – с чувством сказал ему собеседник. – Выпьем давай.

²⁸ Ты чей сын? (*авар.*)

²⁹ Сын Ахмеда, сына Мусы (*авар.*).

³⁰ Черт-те что, чепуха (*авар.*).

– Э, ты на даргинцев тоже много не капай, Сайпудин, – сказал ему сухой в шляпе, – наши тоже очень много бизнес делают. Вот, Ахмеда сын скажет.

Но Сайпудин молча проглотил водку и снова обратился к Далгату.

– Я вот этими руками всю жизнь что-то делаю, – пожаловался Сайпудин, – и всё просто так уходит. Туда отдай, сюда отдай, в школе учителю отдай, в вузе за сессию отдай. Дом же есть, никак не построю, двадцать лет строю, теперь сына на работу устраивать надо, деньги собирать. Жене говорю, цепочку продавай. Жениться будет, как свадьбу ему сделаем? Красть придется.

– Что красть? – спросил Далгат.

– Невесту, да! – воскликнул Сайпудин. – Тогда банкет собирать не надо, просто *магьар*³¹ сделаем и все.

– Нет, плохо жену красть, это чеченцы крадут, а мы не крадем, нет, – вмешался седой мужчина, сидевший напротив. Далгат обратил внимание, что у него на голове, несмотря на жару, висится каракулевая шапка.

– Вах, Далгат, ты что здесь сидишь, танцевать идем, – к Далгату нагнулся троюродный брат, белозубый, с умными глазами.

– Привет, Малик, – обрадовался Далгат, поспешно вставая с места, – иду.

– Стой, – сказал Сайпудин, неловко вскакивая со стула и чуть покачиваясь, – я твоего отца знал.

Сайпудин навалился на Далгата всем телом, обнимая и хлопая его по тщедушной спине.

– Вот это держи, – сказал он, доставая из кармана мятую купюру и всучивая ее Далгату, – мне Аллах много денег не дал, но я всем даю.

Далгат осторожно отстранил от себя Сайпудина вместе с его купюрой.

– Спасибо, у меня есть, сыну отдайте, – сказал он, оглядываясь на Малика.

– Обижает! – воскликнул Сайпудин и под шумно-одобрительные комментарии сотоварищей вложил Далгату купюру в карман джинсов.

Далгат опешил и попытался вернуть деньги, но Малик взял его в охапку и повел к молодежи.

– Оставь, да, их, сейчас жениха похищать будем, – смеялся Малик.

Из-за длинного стола на них с любопытством смотрели девушки.

– Это что, Далгат, что ли, Мусаевский? – говорила Залина протяжным голосом.

– Далгат, Далгат, – отвечала ей, смеясь, Ася.

– Вая, какой он худой! – тянула Залина.

Ася снова захохотала:

– Отвечаю, его пять лет не кормили.

К ним подседа крупная девушка в узкой золотистой юбке, с мелированной челкой и густо намазанным круглым лицом.

– Ай, такой сушняк из-за этой жары, сейчас всю минералку выбухаю, – воскликнула девушка, наливая себе воды.

– Патя, – говорила Залина, внимательно разглядывая Патю с ног до головы, – ты юбку эту где купила?

– Из Москвы, в бутике покупала. Это Гуччи, – важно ответила Патя, проглатывая воду и дуя на челку.

– Такая прелесть. Да же? – спросила Залина, ударяя на последний слог.

³¹ Мусульманский брачный обряд (*авар.*).

Сзади Пати внезапно возник мужчина в летах и поднес ей веточку. Патя недовольно вздохнула, медленно оправила юбку и волосы и, тяжело выбравшись из-за стола, пошла за мужчиной.

– Ой-ой, посмотри на нее, – сказала Залина Асе. – Видела, как она пошла?

– Не говори... И юбка беспонтовая у нее. Она ее на восточном купила, отвечаю, – сказала Ася, насмешливо глядя, как Патя лениво крутит кистями, обходя скачущего танцора. – Пусть не гонит, что это Гуччи. Ты же знаешь, что ее жених слово свое забрал?

– Вая! Как забрал? – загорелась Залина. – Даци, что ли? Они же уже «Маракеш» сняли, Патя татуаж сделала, туда-сюда...

– Какой! – воскликнула Ася. – Даци ее в «Пирамиде» увидел. Всё, говорит, отменяйте. Подарки тоже она все вернула. И чемодан вернула.

– Чемодан саулский, наверное, был.

– Ты что! Шуба, одежда, сапоги, телефон навороченный, че только они ей не дарили. Теперь так опозорилась она, зачем сюда пришла вообще?

– Залина! – громко шепнула Ася. – Ты на Зайнаб посмотри.

Ася ткнула длинным бордовым ногтем в сторону соседнего стола, за которым сидела девица в богатом хиджабе.

– Закрылась, – сказала Залина, искоса взглянув на мусульманский наряд девицы.

– Я так и знала, что закроется после всего.

– После чего? – спросила Залина.

– Ну, она же в селе когда была, ночью одна оставалась с подружкой и, короче, с какими-то парнями *маарда*³² уехала. Ее брат случайно в тот вечер в дом постучал, ее нет, шум подняли. Утром вернулась она, ее сразу к врачу повели, говорят, на проверку.

– И что?

– Не знаю. Замуж хочет она, теперь святую будет строить.

– Я тоже закрыться хочу, – сказала Залина серьезно.

– Брат заставляет?

– Нет, сама хочу. А то как я делаю – не считается. *Уразу*³³ держу, намаз делаю, а платок не ношу. Ты слышала, что в городе говорят?

– Что говорят? – спросила Ася.

– Боевики на Рамазан всех девушек, кого без платка увидят, убивать будут. Уже убили двух.

– Не гони, да! – засмеялась Ася. – Даже по телеку говорили, что специально в народе панику делают. Неправда это!

– Все равно боюсь, – отвечала Залина.

Тут из гущи танцующих выскочил веселый Хаджик и поманил танцевать. Залина радостно заулыбалась и пошла, поблескивая длинным открытым платьем.

Ася смотрела то на Залину с Хаджиком, то на Патю, уже отплясывающую с братом жениха, то на старую бабушку, закручивающую спирали в старинном танце, то на приглашенную певицу, довольно известную. Какой-то молодец вывел певицу танцевать, и та, придерживая микрофон, изящно, на персидский манер двигала задом.

Малик с друзьями успели тихонько умыкнуть жениха, невеста, как и принято, сидела с кислым лицом, а Далгат продолжал выискивать Халилбека. Песня закончилась, и смеющуюся певицу уже щупали тамада и уважаемые гости. Там были и Айдемир, и Халилбек, и Залбег, отец жениха, и чиновники из важных ведомств. Далгата трепал по плечам дядя Магомед.

³² В горы (*авар.*).

³³ Пост (*араб.*).

– Абдуллы дочку пригласи, Мадину, вон она сидит, видишь, рядом с моей матерью, – говорил Магомед, показывая на виденную уже на кассете девушку с отглаженными волосами. – Иди давай, когда музыка будет.

Далгат отпирался.

– Я хочу с Халилбеком поговорить, – объяснял он Магомеду.

– *Хабары*³⁴ потом будешь разводить, мозги не делай мне. Иди пригласи, когда музыка будет.

Тамада взял в руки микрофон и снова закосязычил:

– Эти, вот, кто там, короче, жениха нашего украли. Почему невеста одна сидит, а? Наша делегация уже поехала искать жениха, и мы этих друзей накажем его, которые это сделали. Да же, Халилбек? Сейчас даю слово нашему уважаемому Халилбеку, который нашел время и пришел на свадьбу близкого родственника Залбега, который женит сына на красивой цовкринке Амине. И, короче, Халилбек нам скажет, передаст ту мудрость, которой владеет...

– Далгат, салам! – отвлек Далгата чей-то голос, и Далгат увидел небритого и усталого Мурада, своего кузена. – Идем со мной, отойдем на разговор.

– Что случилось? – спросил Далгат.

– Помощь твоя нужна.

Далгат тоскливо оглянулся на тамаду и Халилбека, готовящегося держать речь, и пошел за Мурадом. Они подошли к краю открытой мансарды и перегнулись через перила. Внизу вокруг машин бегали дети, курили мужчины, и женщины в балахонах переносили с места на место свадебные торты.

– У меня сверток есть, – говорил Мурад, – в ковре. Ты можешь его несколько дней у себя подержать, матушки нет же твоей.

– Какой сверток? – спросил Далгат, нетерпеливо оглядываясь туда, где звучал из динамиков голос Халилбека.

– Там ничего, просто мне нельзя дома держать, – говорил Мурад, потирая красные глаза.

– Он тяжелый? – спросил Далгат. – А то я сейчас не домой иду, мне с Халилбеком говорить надо.

– Нет, не прямо сейчас, – оживился Мурад, – я тебе его вечером сам занесу, ты просто спрячь его куда-нибудь на пару дней. Матушка же в Кизляре у тебя.

– Да, хорошо, – отвечал Далгат, желая поскорей закончить разговор.

Внезапно голос Халилбека прервался, раздалась женские крики, а из динамиков по ошибке понеслась и тут же заглохла певичкина фонограмма. Люди, стоявшие на улице, побежали по лестнице вверх, на крик. Далгат тоже ринулся в зал и увидел взбудораженные лица, потрясенного тамаду, удерживающего от чего-то Залбега, и толпу мужчин, склонившихся к полу. Кто-то громко звал скорую.

– Что случилось? – спрашивал Далгат у гостей, но те только хватались руками за головы.

– *Vaxlu, vaxlu!*³⁵ – восклицали бабушки, прикрывая рты концами платков и тревожно вглядываясь в смуту.

– Айдемира застрелили, – сказал вихрастый парень, выпучивая глаза. – Отвечаю, сам видел! Он стоял, же есть, и раз пуля ему в голову, откуда не знаю.

– Мансарда открытая, откуда хочешь могли стрельнуть, – раздалась голоса.

Невесту вместе с ее пышными юбками выводили из-за стола, не давая оглядываться. Мимо, поскользываясь, грузно пробежал что-то лопочущий Сайпудин.

³⁴ Разговоры (*авар.*).

³⁵ Междометия-восклицания (*авар.*).

– *Астаунперулла*³⁶ – жеманно вскрикивали девушки, вытекая из зала нарядной толпой.
– Пошли отсюда, Далгат, – сказал внезапно возникший Мурад, вытаскивая Далгата наружу.

– Халилбек... – начал Далгат.

– Халилбек побежал милицию встречать, сейчас не до тебя ему, – говорил Мурад.

– Это покушение, что ли, было? – спрашивали друг у друга женщины на лестнице. – Айдемир в прокуратуре работает.

– Если в голову попало, не спасут, нет, – говорили другие.

– ВахИи – шептали старушки, перебирая четки.

– Сейчас милиция, же есть, всех обыскивать начнет, – говорил Мурад, – мол, мало ли, вдруг, просто на свадьбе гуляли от души, в потолок стреляли и в Айдемира попали. А здесь у всех стволы с собой есть... как без них?... так что лучше идти нам.

Они уже шли по грязному и знойному переулку, когда где-то рядом заныла милицейская сирена и унеслась влево, туда, где горел суеютой «Халал».

6

– Ничего не понял, – говорил Далгат, – я хотел ближе подойти, на Айдемира посмотреть.

– Что на собаку смотреть... – сказал Мурад, ничуть не смущаясь.

Они вышли к городскому пляжу и, сняв сандалии, ступили на исхоженный песок – туда, где на расстеленных простынях разлеглись веселые и шумные люди. Далгат глядел на волнистое мутно-серое море, на далекий, похожий на утку, силуэт заброшенного островного завода и на гурьбу купальщиков, плещущихся в загаженной мелкой воде.

Какие-то женщины, молодые и старые, залезли в море в длинных, прилипающих к телу платьях-ночнушках. Здесь же подростки с гиком кувыркались в воде, а две девушки в тонких обрезках-купальниках истошно кричали, оттого что кто-то хватал их за ноги.

Дети смеялись и бегали, крича на непонятных горских языках, хватали у важных матерей початки вареной кукурузы. «Пирожки горячие!» – вопила женщина в съехавшей на затылок косынке, перешагивая через мокрые тела. Мимо шли несколько радостных девушек. Далгат заметил, что одна была в мусульманской тунике и в платке-хиджабе, другая – в дешевой красной косынке и длинной полупрозрачной юбке с разрезами, прочие – в модных и вызывающих бриджах. Следом за ними тянулись парни, подшучивая и набирая горстями ракушки, чтобы целиться в спину или пониже. Мурад шел молча, опустив голову и подергивая свои короткие брюки. Чеченцы в мокрых, с налипшим песком штанах шумно лупили мяч, а на утыканых в песок турниках, как всегда, висели гроздь парней и мальчишек. Дальше, за грудой камней, виднелись подъемные краны тихого порта. Мурад и Далгат полезли по камням, меж которыми стояли с цинковыми ведрами русские рыбаки, присели у самой кромки воды. Далгат вздохнул:

– Нехорошо говорить «собака» на незнакомого человека.

Мурад хмыкнул и спустил волосатые ноги под брызги прибора.

– Кто его не знает? Вор. Вот там, за Каспийском, дома видел большие? – Мурад потянул руку вправо. – У него там три дома было.

– Почему было? Жив же еще, – бормотнул Далгат.

– Он муртад, отступник. Стал, как все эти кяфиры и нацпредатели со своими джахилийскими³⁷ штучками.

³⁶ Прости, Господи (*араб.*).

³⁷ Джахилия – первобытное невежество, предшествующее принятию ислама (*араб.*).

Мурад сплюнул в подбегающую волну.

– Всё из-за куфра³⁸.

– Из-за чего?

Мурад повернулся к Далгату и почесал щетину.

– Куфр не знаешь! Кругом он, кругом! Морали нет, неверие, в чудеса Аллаха не верят...

На свадьбе сейчас эти, Мала и Рашид, хвастались, что даже больше, чем пять раз, намаз делают. Ослы! – Намаз делают, а пиво пьют. Это *нифак*³⁹, знаешь? Айдемир этот тоже две мечети построил, а его сын чуть ли не десять наших сестер изнасиловал, каких-то студентов. Еще на телефон снимал и по блютузу передавал всем, – Мурад достал из кармана зеленую тубетейку. – Я к тебе вечером приду, помнишь? Тебе много объяснить надо. Ты один с мамой живешь, никому не нужен, никто тебя на работу не устроит нормальную из-за кяфирских порядков. Надо бороться. Вот знаешь, – продолжал Мурад, – эти суфии все места себе захватили. Они во всех мечетях имамы, в мусульманских управлениях сидят. Подыгрывают Русне и кяфирам. Это неправильно, это всеобщий таклид. *Умма*⁴⁰ не должна разделяться, иначе будет раскол, фитна, понимаешь? Мы, салафиты, говорим, что надо возвращаться к истинному исламу, который был при Пророке, мир ему. И чтобы был независимый имамат.

– Это ты от кого наслушался? – спросил Далгат.

Мурад встал, подтянул брюки, сказал хрипло:

– Ты не спорь. Я знаю, что ты наш. Я к тебе не один приду. Ты хоть и странный, но тоже справедливость любишь. У тебя девушка есть?

Далгат вздрогнул от неожиданности.

– Нет.

– Красавчик, – сказал Мурад, стоя над Далгатом и улыбаясь, – не прелюбодей. А про наших сестер отдельный разговор. Жди меня к двенадцати, дома будь.

Мурад чуть не оступился на скользком камне и быстро, без рукопожатия, скрылся из глаз.

Далгат поднялся следом и, снова миновав рыбаков, прыгнул с камней на песок, в гвалт и крик отдыхающих. Мурада уже не было видно.

– Э, *васае*⁴¹! – закричал ему низенький усатый мужчина в расстегнутой рубашке, обливая из бутылки большой арбуз. – Арбуз не хочешь?

– Нет-нет, спасибо, – заулыбался Далгат.

– Угощаю! – кричал мужчина, но Далгат поплелся дальше, поглядывая на море и на откуда-то взявшуюся там моторную лодку, подбирающую желающих. На турниках качались.

– Пацан, сколько раз подтянешься? – спросил его кто-то, хлопнув по плечу.

– Сейчас не буду, – ответил Далгат, – мышцу потянул, не могу.

Тут же над его словами засмеялись девочки-малолетки, вынырнувшие откуда-то из толпы. Разозленный Далгат быстро зашагал к кранчикам, обмыл ноги, обулся и пошел в арку, над которой грохотали товарные поезда. В арке воровато обнималась какая-то парочка, а у выхода, скрестив ноги и качаясь из стороны в сторону, сидел попрошайка и вопил «Лаил-лахаиллалах!» Далгат увидел парковые скамейки, на которых резались в шахматы. Играющих обступила толпа пожилых болельщиков. За деревьями мелькали качели, гомонили дети и звучала эстрадная музыка. Он сел на пустую скамейку в тени каменного дерева и открыл папку. В глаза бросилась книжка, подаренная поэтом. Далгат открыл ее и начал читать: «Меня зовут Яраги...»

³⁸ В исламе – неверие, приводящее к саморазрушению личности и общества.

³⁹ В исламе – лицемерие, внешняя показная приверженность к добру, скрывающая злые намерения (*араб.*).

⁴⁰ Сообщество верующих (*араб.*).

⁴¹ Юноша, мальчик (*авар.*).

7

Меня зовут Яраги. Я решил написать эту книгу, когда шел по старым магалам Дербента. Я смотрел на длинные стены от крепости и до моря. Теперь они были местами разобраны на кирпичи и зарастали безымянной травой. Я думал о том, что эта полоска равнины, которую называют Каспийским проходом, когда-то связывала Восточную Европу и Переднюю Азию. Теперь она распростерлась желтокаменной кучей, двумя разновременными кладбищами и средневековыми кварталами, переходящими по краям в новый, скучный город. Я шел, пока медленно собирались мужчины во дворе старой мечети, из которой уже пять раз за последние сутки кричался-пелся азан. «Спешите на молитву, спешите к спасению». Никто не посмотрел на меня, и я скользнул мимо них, как призрак.

Я видел их, сарматов, аланов, скифов и гуннов, веками рвущихся сюда из Персии. Я видел цитадель Нарын-калу, какой она была во времена иранцев, и арабов, и турков-сельджуков, и снова персов, и, наконец, русских. Крепость на склоне Джалган с ее каменными блоками, скрепленными свинцом, была уже не страшна. Внутри полностью ушедшая в землю, зияла крестово-купольная церковь. Я видел в уме и ее святителей, и службы, проходившие на крыльце, перед входом, и тех, кто сделал здесь подземное водохранилище. Я гулял мимо старинных фонтанов и смотрел, как из источника Вестника жители все еще берут воду. И мимо разбитых временем ханских бань, куда в женский день не мог взглянуть ни один мужчина, а если глядел, то лишался глаза. А если глядела женщина, то лишалась обоих.

(Далгат на секунду перевернул страницу, внимательно посмотрел на цветной портрет автора, его обвисшие усы и скромную улыбку, и продолжил чтение.)

Из южной и северной городских стен распахивались ворота, из которых больше всех мне любы Средние, Орта-капы. А еще я смотрел на юго-западный угол цитадели, где виднелся прямоугольный проем в угловую башню. Оттуда когда-то шел проход на горную стену Дагбары, которая, извиваясь, уходила в глубь Кавказа более чем на сорок километров. Туда, в горы, через «ворота позора» бежали правители во время захвата города. Там, далеко, громоздится святая четырех с лишним километровая вершина Шалбуздаг, куда два месяца в год восходят паломники.

Я был на Шалбуздаге. Там покоится Сулейман, пастух, которого унесли белые голуби, и сияет мечеть Эренлер, где можно переночевать. Вдоль серпантинной дороги, на альпийских лугах встречаются бараньи стада, из которых можно выбрать барана и принести его в жертву там, на вершине. А возле белокаменного мавзолея Сулеймана приехавшие на зиярат люди ритуально ходят вокруг могилы и запикивают деньги в большой, набитый до краев железный ящик. Женщины привязывают свои платки к вбитым в землю палкам и забирают для себя из того, что было повязано до них. Я взбирался наверх, и мне было то жарко, то холодно. Внизу темнела долина окруженного тропической рощей Самура, а во мне колотилось сердце. Я испил воды из прозрачного до дна талого озера Зем-Зем. Мы, лезгины-паломники, собрались меж гигантскими...

(Далгат зевнул и почесал ногу.)

...собрались меж гигантскими гранитными глыбами и метали камни в шайтана, спрятавшегося в выемке скалы. А потом мы шли через каменную трубу грехомера, между движущимися скалами. Говорят, они выжимают из грешников все соки, но нас пощадили. Базардюзю-Кичендаг, «гора боязни», с ее восьмью ледниками, вытянувшись, сияла нам снизу и дышала холодом. А на венце Шалбуздага, где раньше обитали духи-эрены, ничего не росло. Я видел только кипение белых туманов. На волосах и бровях моих осел иней, и я задрожал от страха и стужи.

Мне захотелось на склон. Туда, где с востока наваливается могучая красная стена Ярыдаг со сливающимся долгим водопадом. Где в районе седла, меж Главным и Боковым Кавказским хребтом, лежит мой дымный Куруш. Там в скалах навечно отпечатаны иглокожие, а под ногами альпинистов хрустят устрицы с небольшими кусочками перламутра, закрученные трубочки брюхоногих, фораминиферы и другие моллюски древнего моря. Там чередуются цветущие луга, известняковые плитки, мелкоземистый, чавкающий суглинок, щебень, обглоданные эрозией склоны и безлесные ущелья с вырубленными навсегда лесами.

(«Шах!» – закричали в толпе шахматистов, кто-то засмеялся...)

Только с мая по октябрь можно добраться в Куруш. Там, в альпийских лугах Докузпары, пасутся козы и ярки, лишенные теперь отгонных пастбищ Муганской степи. Граница захлопнулась. Много лезгинов, рутульцев, цахуров, аварцев осталось в Азербайджане.

Я шел, и в небе образовывался дождь, чтобы вылиться на скользкие глыбы и мягкую землю, на белые ромашки и синие колокольчики. Но Дербент и близлежащая Табасаран оставались сухи. Только журчал водопад в Хучни, а рядом стыли остатки «Крепости Семи братьев», заполненные от времени землей. Когда-то здесь жили семь братьев вместе с красавицей сестрой, а народ содержал их. Но во время одной из осад сестра влюбилась в предводителя вражеской армии, то ли иранской, то ли монгольской, и налила соленой воды в дула братниных ружей, и попыталась перебежать к возлюбленному, но братья поймали ее, пбили камнями и спешно покинули крепость, завещав свое имущество жителям. Приговор из камней, под которым лежала сестра, с тех пор был проклят, и каждый прохожий еще совсем недавно плевал на холм и швырял туда камень.

Я думал о Табасаране. О том, как сложен табасаранский язык. О похожих на колдуний ковровщицах-надомницах, гнущихся в глинобитно-саманных домах за работой. Три месяца работают они над настоящим ворсовым ковром, сотканным из окрашенных мареной шерстяных нитей. Есть ковры мужские и женские. Топанчи с перекрещенными рукоятями кинжалов дарились воинам, и по ним нельзя было ходить. А на ковре «Сафар» изображены мужчина, овцы, растения и много синего цвета, потому что Сафар – это имя девушки, чей возлюбленный пастух сгинул в селевом потоке.

Я видел Табасаран, его сухую степь, пологие предгорья, жесткие колючки, распаханые полосы каштановых почв, грецкий орех, малые виноградники, мелкие ручейки, родники, носящие имя своего мастера, мосты, возведенные людьми без казенной помощи, обрывы и леса с моховиками и опятами. Брызжащие слюной речки Рубас, Гюргенчай, Хамейду. А там, высоко – тропу Хаджи-Мурата, ведущую к пещере, в которой тот скрывался, и рядом – естественный Кутакский мост. А у села Хустиль, около роши, где не пасут скот, а забивают жертвенных животных, в конце тропы, вырубленной по южному склону скалы, видел священную пещеру Дюрка, где жил когда-то праведник-отшельник. Тропа узка и опасна, над входом в пещеру нависает готовый сорваться камень, а внутри, вниз по приставной лестнице, – темный зал, убранный коврами, летучие мыши. Так там было еще недавно.

(Далгату пришло в голову, что он давно не ездил на юг. Говорят, на заброшенных базах отдыха в Берикее отличные пляжи с белым песком и гигантскими черепахами.)

Мой Юждаг горяч, зноен, плодороден: здесь хурма, инжир, гранат и миндаль, но он разлажен и распорот. Здесь, лишенные защитных ущелий, лезгины, цахуры, рутулы, агулы и прочие народности, по несколько тысяч человек, а то и поменьше, более всего подпадали под власть албанских, иранских, царских и других пришлецев. Только лишь остались сказания о воскресающем борце и воине Шарвили, который появлялся, как только нападал враг, и против Тамерлана обернулся каменным мальчиком. «Когда бы враги Лезгистана ни совершали

нашествий, вы с горы Келез-хев⁴² окликните: “Шарвили! Шарвили! Шарвили!”, и тогда я с вами вместе вступлю в сражение с врагом, и он будет повержен».

Здесь говорят нараспев, пьют чай перед пищей, нет средневековых жилищ и боевых башен. Завоеватели, приходя в Дагестан, сначала встречали лезгин и всех дагестанцев называли лезгинами, и горский танец всей республики поэтому зовется «лезгинкой», а у грузин похоже по звучанию – «лекури», танец дагестанцев.

До и после Самура, расселились десятки народностей, автохтонных и пришлых. Ираноязычной речью татов говорят и сами таты-шииты, частично записавшиеся азербайджанцами, и горские евреи, записавшиеся татами. Тюркским наречьем вещают равнинные кумыки – те, что родились от горцев, спускавшихся на зимние пастбища, и степнячек из половцев, савиров, кипчаков, хазар... Кумыки ловили крючками рыбу и на лассо – диких лошадей. А на языке их, плавном, легком, нежном, говорили меж собою все горцы. Женщины их красивы и властны, влиятельны и повелительны, затеняли собою мужчин. Их шамхалы Тарковские были очень богаты, и дом их господствовал тысячу лет.

Много еще не вымерших народностей расплескалось по степям и скалам, и каждая – мала, зажата другими, крепко схвачена внутренним страхом самопотери, переселения, исчезновения. Хиналугцы, каратинцы, годоберинцы, цезы, бежтинцы и еще полсотни этносов, врезанные в гуцу чужого говора, объясняющиеся кроме своего на нескольких ближайших языках, кажутся невидимыми каплями в растворе. Раскосые ногайцы, поделённые между тремя республиками, никак не сомкнутся вместе и жалеют степь, а степь едят отары горцев.

(«Отары горцев? – подумал Далгат. – Что за чушь!»)

Кумыков, населявших прикаспийскую низину с ее зимними пастбищами и глиняными поселками, теснят несчастные, сселившиеся с гор аварцы и даргинцы – бывшие горцы, насильно согнанные вниз строить каналы и магистрали, обживаться в цивилизации. Редет реликтовый лес Самура, лысеют горы, чернеют горные реки, неся отраву и порчу, и пухнет, разрывается от бегущих куда-то людей неподготовленная Махачкала. С высоких, обжитых гор – в пыльную равнину, в выжженную степь и болота, в адскую и убийственную топь, где кишели кочевники из важных и знаменитых племен.

Там, где теперь столица, от хазарского, сидящего на горе Семендера и до самой морской воды тянулись защитные стены. Недалеко от берега, на холмике Анжи-арка издавна жил городок и базар, где сходились горцы и равнинные жители, а в годы Персидского похода Петр оставил неподалеку своих людей, и поселок Петровское затем превратился в городок Порт-Петровск.

Теперь всё это, все разбросанные по осушенным, прежде болотистым, но до сих пор нестерпимо знойным углам населенные пункты, и древнее Тарки, и свежие мазанки казацких переселенцев – все слилось в страшнейшем водовороте. По улицам Махачкалы, как и прежде, носится полоумная саранча, а в подвалах и из исконно обжитых недр домов вылезают скорпионы и ящерицы. Город надрывается от множества жителей, лопаются электропровода, не выдерживают отопительные системы, гудят автомобильные пробки, и всюду торчат строительные леса. Дома лепятся и лезут друг на друга, съедая тротуары и утопая в вонючий неубранного мусора, арбузных корок и целлофановых пакетов, разметанных ветром по веткам пыльных деревьев.

Когда я думал о книге, я стоял в ненавистной Махачкале. Вокруг, не замолкая, жарились на солнцепеке люди, растекались расплавленные улицы, вились дорожные полосы, выгорала сухая степь, теснились горы с каменными тортообразными селами, наклепанными друг на друга, как гигантский амфитеатр, осыпались заброшенные башни, грустили в пещерной

⁴² Хев – гора (лезг.).

тьме наскальные треугольники, козлы и спирали. К северу на ладонной плоскости ходили потомки Орды – ногайцы, к югу врезался в небо Большой Кавказский хребет, а между ними, видный из центра блеклого Избербаша, вдаль вглядывался профиль горы Пушкин-тау⁴³ с уже стирающимися чертами русского поэта. На некрасивой равнине скучными кучками ютятся тезки-подобия горных сел, а на покинутых кручах остаются либо старые люди, либо старые камни.

Меня зовут Яраги, и я был среди этих тесаных покинутых камней. Я смотрел на развалины сел-крепостей, я был в Гунибе, последнем оплоте Шамиля. Острые растения со скрипом кололи мне ступни. На противоположной горе извивалась серпантинная дорога на Кегер, а со стороны лагеря слышались разбуженные детские крики. Мычали тяжело ступающие, некрупные коровы, бредущие наверх, в гору, жевать траву. Я почти бежал навстречу дороге, тонущей где-то внизу в разноцветном селе, а сзади – кривое блюдо нагорья прорезалось трещиной, и теснились хозяйственные постройки, собранные из камней старого выселенного Гуниба. Пустое село, уже развалившееся и растасканное, обрывалось провалом, вдоль которого в нескольких местах белели тряпки – там, где машины с людьми упали на дно, в сухое речное русло. Плотно слепленные ласточкины гнезда коренных гунибцев, давно сжитых в Аркас и Манасаул, сменила парадная ясность открытого пространства да точечная застройка: туберкулезный санаторий, больница, детские лагеря, бывшая турбаза, разрозненные дачные домики.

Цвела ромашками бугорчатая Царская поляна, где как-то отобедал Александр II, холмики повыше – столы, пониже – лавочки. «Беседка Шамиля» из белого камня стояла на месте пленения имама, а в центре нее лежал большой камень, на котором сидел в исторический момент князь Барятинский. На другой стороне горы, в выдолбленном для белого царя триумфальном тоннеле, за годы осевшем и заброшенном, теперь отдыхали коровы. Еще выше зеленым пятном в безлесом внутреннем Дагестане вставала рощица из красноствольных берез, тянущаяся вдоль края пропасти, на дне которой, похожие сверху на папье-маше, толкались горы и поблескивали, будто сметенные в кучки обломки слюдяных пород, аварские села.

(«Надо вернуться в “Халал” и поискать там Халилбека», – подумал Далгат.)

Я был на смирных провинциальных улицах Кизляра, возле дома, где родился Багратион, и у деревянной избы, где жил Толстой. Избу давно заселили и сняли мемориальную табличку, так что саму ее было трудно заметить в ряду таких же утонувших в грязи изб и саманных домиков казацкого типа. По краю города бежал серый Терек и высился большой винзавод, где в бочках хранилось вино разного сорта и сбора.

(Рядом с Далгатом сел кто-то в белой рубашке и с коричневыми пятнами на лице и стал заглядывать в книгу.)

Где ты, мой Дагестан? Кто погубил тебя? Где законы твои, где тухумы, где твои ханства, уцмийства, шамхальства, вольные общества, военные демократии? Где дивные платья и головные уборы твоих людей? Где языки твои, где песни твои, где вековые стихи твои? Все попрано, все попрано...

8

Далгат отвлекся от книги и посмотрел на своего соседа. Сосед улыбался.

– Про что книга? – спросил он, тыча пальцем в страницы.

Далгат закрыл книгу и быстро засунул ее в папку.

– Так, ничего, ерунда, – ответил Далгат, улыбаясь в ответ.

⁴³ Тау – гора (тюрк.).

– Я почему спрашиваю... У меня тут рядом магазин с картинами. Сам рисую. Заходите, посмотрите. Меня Наби зовут, – говорил человек, пожимая Далгату руку.

– Что за картины? – спросил Далгат, не понимая, какая здесь связь с книгой.

– Мою технику называют набизм. По имени, – засмеялся Наби, – кладу много красок, слоями. Заходите, вон, за углом.

– Обязательно, – сказал Далгат, вставая. – Я бы зашел прямо сейчас, но спешу.

– Вы, кстати, знаете, что этот парк скоро вырубят? – осведомился Наби, поднимаясь вслед за Далгатом.

– И этот? Что-то всё вырубают...

– Да, в моей молодости это был другой город совсем, – опять засмеялся Наби.

Далгат кивнул ему, посмотрел на спины примолкших шахматистов и быстро пошел к «Халалу».

Около белого здания все еще толпились люди.

– Халилбек в отделении на Советской, – сказал ему возбужденный юноша с длинными ресницами.

Это было рядом. Далгат быстро дошел до нужной улицы, думая о прочитанном у Яраги: «Скучная книжка, одни эмоции». У здания отделения стоял белый автомобиль Халилбека.

«Здесь», – подумал Далгат и решил подождать на улице, глаза на толпу.

Модные мусульманки в ажурных чулках и бархатных платьях ковыляли на высокой платформе по разбитому тротуару. Важные женщины на ходу обмахивали веерами бюсты. Маршруточники, вылезая из своих колымаг, громко здоровались и пожимали друг другу руки. По стенам пестрели многочисленные афиши и объявления, зазывали десятки вывесок салонов красоты и стоматологий.

– Далгат, привет! – окликнул его женский голос.

Это была Меседу. Училась с ним в одной группе.

– Ты постриглась? – спросил Далгат.

– Да. Правда, мне больше идет каре? – спросила она, дурашливо понижая голос. – Зайдем в кафе, посидим немножко. Давно тебя не видела.

– Я жду одного человека, он в любой момент может выйти.

– Не выйдет. Позвонишь ему.

– Телефон украли.

– Позвонишь с моего, – говорила Меседу, заманивая Далгата к стеклянной двери модного кафе «Марьяша». Около двери в рамке висело объявление: «В спортивной одежде и с оружием не входить».

В кафе было прохладно, журчали мелкие фонтанчики, а на больших экранах мелькали кадры музыкальных клипов.

– Посидим в кабинке, – сразу объявила Меседу.

В кабинке Меседу достала сигареты.

– Ну ты даешь, – протянул Далгат.

– Ой, не смей меня, Далгат, – запела Меседу, щелкая зажигалкой, – у нас почти все курят тайком. А сами строят из себя монашек. Обрати внимание, как девочки в кабинках запираются.

Вошла официантка с нарисованными бровями и румяными щеками.

– Шашлык курдючный и литр абрикосового сока, – сказала Меседу, – а ты, Далгат?

– Я ненадолго – отвечал Далгат, глупо улыбаясь и рассматривая Меседу, – ничего не буду...

Официантка вышла.

– Ты что, уразú удержишь? – насмешливо спросила Меседу.

- Давно прошла твоя ураза, – сказал Далгат, – а ты чем занимаешься?
- Переезжаю в Питер. Буду в переводческом бюро работать. Папа, конечно, против, ну а что мне здесь делать?
- Мужа искать, – сказал Далгат.
- Нет, – Меседу встрянула копной волос. – Какой муж, ты с ума сошел? Здесь уже не за кого выходить. За тебя, что ли?
- Она сбила пепел с сигареты и по-мальчишески захохотала.
- Вот мне говорят, в Питере скинов много, – продолжала Меседу, – но я думаю, меня не тронут. Я и за русскую сойду.
- В таком прикиде – да, – ответил Далгат, изучая ее льняной пиджак, усеянный пуговицами.
- Нравится? – спросила Меседу. – А на меня здесь девочки так пялятся, как на дуру... Я Диму видела.
- И что Дима?
- В армии отслужил, сам причем напросился. Повидать жизнь захотел, – Меседу хмыкнула. – А он же с высшим образованием, так что служил только год.
- Сейчас все год служат.
- Значит, это было еще до того, – нахмурилась Меседу. – Ну вот. А по понятиям одногодников больше всего не любят! В общем, попал он в Смоленскую область, а у них же как – дагов и вообще кавказцев они стараются помногу в одну часть не отправлять. Но у Димы в части все равно набралось пять человек.
- Дима же сам – русский...
- Вот он и говорит. Мол, я вроде бы русский, а все равно из Хачландии, – Меседу засмеялась. – Короче, наши пацаны впятером всех построили. Сержанты им ноги мыли, офицеры в шестерках ходили. А Дима с ними. Унитазы не чистит, полы не подметает. Одного лезгина наши с веником в руках заметили и за это в унитаз головой макнули.
- Я вообще не понимаю, зачем в эту чмошную армию лезть самим?
- Нет, Дима говорит, наши сами в армию просятся и взятки платят, чтобы взяли. После армии можно в милицию устроиться или еще куда-нибудь... В общем, вызывают Диму к замполиту. Что ты, говоришь, ведешь себя, как черножопый. Ты же русский.
- А Дима что?
- А он и рад бы дисциплину соблюдать, но тогда его свои даги побили бы. Он замполиту и отвечает, мол, готов соблюдать уставы, если мне обеспечат личную безопасность. А они никакую безопасность обеспечить не могут. Посадили его на гауптвахту с каким-то цумадинцем. Они там не ели, чтобы в туалет не хотелось. А по-маленькому в бутылку ходили и через решетку передавали. А на третий день подрались с цумадинцем. Офицеры смотрели, смеялись. Один за «белого» болел, другой – за «черного». Короче, Диму перевели в какой-то типа штрафбат или как там это называется, я не разбираюсь. Там все, говорит, какие-то дохлые, все боятся чего-то, один себе вены вскрыть хотел. Дима на них удивлялся.
- Оставайся здесь, Меседу, зачем тебе этот Питер? – сказал Далгат. – Там думают, что мы все – бандиты и дикари.
- А здесь думают, что русские мужчины – все пьяницы и слабаки, а женщины – проститутки. Какая разница? – спросила Меседу. – Все равно никто никого не любит.
- А я сейчас с одним парнем разговаривал, – признался Далгат, – он вроде бы из этих, лесных братьев.
- Да ты что?
- Хочет ко мне в гости зайти. Или меня к себе позвать, я не понял.
- Вошла и вышла румяная официантка, оставив на столе дымящийся шашлык и графин с прохладным соком.

– Не ходи, Далгат! – сказала ему Меседу серьезно, наполняя граненый бокал. – Знаешь, что с моим братом стало, Гимбатом? Он познакомился с ребятами, пошел к ним на квартиру. То да се. Про религию стали говорить, про беспредел в республике, коррупцию. Брат, конечно, соглашается. Да, говорит, действительно, все ужасно, надо что-то делать...

– А дальше?

– А дальше обнаружилось, что эти ваххабиты связаны с органами и всё снималось на камеру, чтобы брата шантажировать. К нему бы подошли и сказали: вот кассета, на ней видно, что ты в логове экстремистов, так что выбирай. Или мы тебя сажаем, или ты уходишь в лес.

– Зачем им это?

– Они так вербуют. Им самим выгодно, чтобы здесь было беспокойно. Гимбату повезло, что папа – сам в органах работает. Он когда узнал, что его сына тоже замешали, такой бледный ходил. Поговорил с кем надо. В общем, все обошлось. Но это Гимбату так повезло, а другим? Так что даже не думай с ними общаться.

– Может, ты не так поняла, – протянул Далгат, – что-то не верится.

Меседу снова засмеялась.

– Вот ты смешной, Далгат. А я Сакину видела недавно. Она все книжки читает, такая грустная.

Далгат сморщился и поднялся.

– Я пойду, вдруг человека упущу. Кушай на здоровье. Был рад...

– Подожди еще, давай я тебя угощу, возьми кусочек, – захныкала Меседу, разрезая кусок шашлыка.

– Нет, спасибо, – сказал Далгат, оставляя ей всученную Сайпудином купюру, – потом расплатишься. Я побежал.

9

Выйдя на улицу, Далгат очутился в сумерках. В начинающейся темноте было видно, что машины Халилбека у входа в отделение больше нет. Оттуда на секунду высунулся и снова пропал рядовой с большим носом и тяжелым автоматом наперевес.

Далгат расстроился.

– И на маршрутку денег не осталось, – вздохнул он сам про себя и побрел вниз по улице, иногда отвлекаясь на бешеные гудки водителей, громкий смех, возникающие и пропадающие звуки лезгинки. Стало совсем темно.

По обочинам по-тюремному сидели быковатые парни, светя в образовавшейся мгле голубыми дисплеями телефонов. Не горел ни один фонарь. Свет лился только из частных магазинчиков, где кто-то по-домашнему перекликался друг с другом. Навстречу, стуча каблуками и держась друг за друга, под легкий мужской свист, шли девочки. Где-то сердито мяукнул невидимый кот.

Далгат шел медленно, стараясь не споткнуться на ухабах и не упасть на вываленные кем-то посреди дороги стройматериалы. Свернув на центральный проспект, он направился прямо к главной площади. Там тоже было темно и пусто, а большая настенная гирлянда «Лучший город России» не различалась во тьме. Далгат подошел к памятнику Ленину и сел на холодные мраморные ступени, спиной к синим елям, посаженным около мэрии.

Открыл папку и нащупал пальцами послание для Халилбека. А потом задрал голову кверху и увидел, как звезды заволакивает пришедшим с Тарки-тау туманом. Сзади раздались шаги, и кто-то хрипло окликнул его по имени.

10

Далгат обернулся и распознал под елью мужскую фигуру.

– Вы кто? – спросил он, засунув папку под мышку и поднимаясь.

– Салам тебе, Далгат! – сказал человек и пошел к нему большими уверенными шагами.

Стало слышно, как на соседней улице включили барабанную музыку. Доносились воодушевленные вскрики «Асса! Оппа!», видимо, там кто-то танцевал.

Далгат, улыбаясь, смотрел на идущего к нему человека.

2009

Шайтаны Рассказ

1

Автомобиль заглох, застряв в тумане. – Сюда давай, – слышались голоса. Зашуршали пакетами, захлопали дверями «газели». Кто-то, приближаясь, чавкает грязью.

– Здесь сыро, надевай кофту, – сказали Наиде женщины, закутывая головы в длинные, с бахромой, платки и неловко вылезая наружу с полиэтиленовыми пакетами.

Пахло землей, чабрецом, сыростью, а издали – вареным мясом. В тумане встретились невидимые голоса и руки.

– Облако село, сейчас сойдет, – произнес чей-то хриплый бас.

После глухих приветствий, вздыхая и перешептываясь, начали красться вверх по каменной улочке. Их вел Шапи, сын покойного Хасана. За ним – отец Наиды и приехавшие друзья Шапи, кто-то лакец, кто-то – цунтинец, кто-то русский. За Наидой, касаясь ее руками, шли родственницы.

Пение слышалось еще издали, мешаясь с далеким шумом реки и голосами. Миновав еле видный внутренний дворик, где растаял Шапи с друзьями, Наида и спутницы прошли в комнату, набитую женщинами, которые сидели на треугольных бацадинских табуретках, подушках, а то и просто на коврах и читали *зикр*⁴⁴. Начались тихие соблезнования, объятия и всхлипывания. Наида протянула хозяйке свой пакет с подарочными носками и полотенцами, та прижала ее к груди. Пришедшим сразу подали белые вышитые подушки, и они уселась у порога, поджав колени и склонив головы.

Баху в коричневом бархатном платье сидела в центре и медленно, с придыханиями читала аят, предшествующий тысячекратной священной формуле. Затем звякнула четками и завела громко «лаилаһаилалаһ», и вместе с ней, хором, остальные. В проеме двери показалась и снова исчезла любопытствующая детская фигурка. Потом за стенкой загремел, скатившись, металлический чан, и снова стал слышен только ускоряющийся рефрен «нет божества, кроме Аллаха».

Раскрасневшись, Баху качала головой из стороны в сторону, упрямо ударяя на первое «ла», как будто сию секунду столкнётся со скалы большой камень. Кто кричал громко, прикрыв глаза, кто едва шевелил губами, развернув ладони к лицу так, будто собирался умыться. Наида поймала себя на том, что бессознательно слегка нагибается при каждом повторе.

⁴⁴ Поминание имени Аллаха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.